

Александр Сорочан

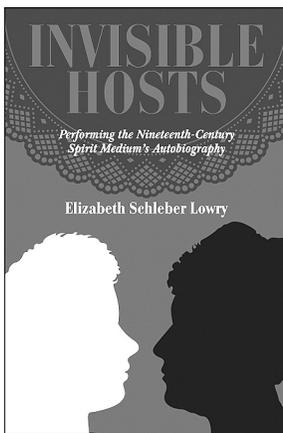
Автобиографии американских женщин-медиумов

DOI: 10.53953/08696365_2022_174_2_330

Lowry E.S. *Invisible Hosts: Performing the Nineteenth-century Spirit Medium's Autobiography.*

Albany, NY: State University of New York, 2017. — XXVIII, 158 p.

Элизабет Лаури преподает риторику в Университете Аризоны. И с риторической точки зрения ее работа выстроена практически безупречно — краткая, со строгой композицией и внятными выводами. Это тем более удивительно, что сложная междисциплинарная тема, которой посвящена книга, не предполагает такой определенности и завершенности. В работе Лаури рассматриваются автобиографии четырех женщин, занимавшихся спиритизмом, а этот род литературы тяготеет к достаточно туманным формулам и сложным построениям. Женщины-медиумы во второй половине XIX в. играли в обществе роли, обычно закрепленные за мужчинами, — и это неженское поведение зачастую фиксировалось в мемуарных текстах. Поэтому Лаури основное внимание уделяет не оккультизму, а именно социализации и трансформации гендерных стереотипов. Героини исследования пытались убедить читателей мемуаров в своей состоятельности, одновременно демонстрируя и «женские», и «медиумические» таланты. На этой сложной игре социальных и эзотерических конструкторов основана центральная линия работы Лаури.

«Современный американский спиритуализм», о котором идет речь в работе, предстает в разных инкарнациях: эзотерическая религия, общественное движение, философия, тщательно продуманная мистификация и величайшее благословение человечества. Исследователи расходятся во мнениях относительно того, был ли спиритуализм в XIX в. господствующим или маргинальным течением, консервативным или прогрессивным, но суть явления оставалась неизменной: «...с помощью посредника, или “духовного медиума” живые могут общаться с духами умерших» (с. X). Идея общения с мертвыми существовала до XIX в., на протяжении тысячелетий культуры коренных народов во всем мире занимались ритуальным общением с духами. Тем не менее в XIX в. была проведена идеологи-

ческая граница между «новыми» постхристианскими духовными коммуникациями белого среднего класса и обычаями коренных народов. Предположительно это произошло потому, что американцы европейского происхождения хотели дистанцироваться от того, что они считали «примитивными» культурами. Спиритуалисты утверждали, что их практика была «прогрессивной», то есть уходила корнями в область науки, а не мифологии.

Героини этой книги достаточно известны: Лия Фокс Андерхилл, старшая из трех сестер Фокс, по сути создавших «современный американский спиритуализм» в 1848 г.; Аманда Теодосия Джонс, поэт, ученый и изобретатель; Нетти Колберн Мейнард, которая утверждала, что была спиритической советницей Линкольна во

время Гражданской войны; и уроженка Великобритании Эмма Хардинг Бриттен, которая начала практиковать спиритизм во время посещения Нью-Йорка. Женщины использовали свои автобиографии, чтобы придать легитимность эфемерным спиритическим практикам, сочетали автобиографию с другими жанрами, чтобы рассказать истории своих побед и политических достижений.

Цель исследования Лаури состоит не в теоретическом осмыслении автобиографий, а в использовании автобиографий для изучения моделей женского поведения. Конструкт «истинной женственности», являвшийся гендерным идеалом XIX в., остается довольно ограниченным, «нечистые» спириты этому идеалу не соответствовали и пытались сформировать другие модели женственности. «Истинной женственности» Лаури вслед за Фрэнсис Коган противопоставляет «настоящую женственность» (с. XI). Хотя данная модель также ориентирована в первую очередь на белых женщин среднего класса, но «настоящая женственность» позволила женщинам в риторическом пространстве перекодировать фиктивные социальные идеалы и обосновать нарушения тогдашних гендерных конвенций.

Автор рецензируемой книги рассматривает только автобиографии, которые считает «усовершенствованным описанием непосредственного опыта»; дневники и заметки исключаются из рассмотрения, и круг «истинных» автобиографий оказывается достаточно узок. По сути, речь может идти только о четырех работах, которым и посвящена книга Лаури: «Недостающее звено современного спиритуализма» (1885) Лии Фокс Андерхилл; «Был ли Авраам Линкольн спиритуалистом?» (1891) Нетти Колберн Мейнард; «Автобиография» (1900) Эммы Хардинг Бриттен; «Психическая автобиография» (1910) Аманды Теодосии Джонс. Лаури рассматривает эти работы не по отдельности, а комплексно, подчеркивая «единство социально-исторического нарратива» (с. XIX).

У четырех женщин было много общего: все они родились на северо-востоке Америки, обладали скромным достатком, либо оставались одиночками, либо поздно вышли замуж, а также активно участвовали в движении за гражданские права. Андерхилл и ее сестры общались с рядом видных аболиционистов; Джонс выступала за социальное равенство и права бедных женщин; Мейнард была решительной сторонницей отмены рабства, а Бриттен — противницей геноцида коренных американцев. Все это типично для спиритуалистов XIX в.

Первые две главы книги объединены темой нарушения границ — норм церкви и христианской идеологии. Книга начинается со сравнения христианского и спиритуалистского мировоззрения, но автор быстро переходит к особенностям спиритуалистской автобиографии. Женщины в своих исканиях были вынуждены пересмотреть добродетели «истинной женственности»: благочестие перекодируется как приверженность моральной честности, семейная жизнь становится гибкой и многогранной концепцией, чистота пересматривается, становясь вопросом профессиональной и личной подлинности и честности, привычная женская покорность отвергается.

Четыре женщины в автобиографиях отвлекают внимание читателей от понятий свободной любви и христианского благочестия ради создания новой модели чистоты, связанной с ощущением уникальности, характеризующим «настоящую женственность». Речь заходит о замене идеала сексуальной чистоты идеалом честности. «Семейная жизнь не обязательно означала посвящение себя дому — это скорее создание связей с семьей и друзьями, которые простирались за пределы дома. Наконец, подчинение не требовало принятия институциональных правил и предписаний в той мере, в какой это означало жить в соответствии с кодексом морального поведения. Но несмотря на расхождение с различными христианскими нор-

мами, спиритуалистская практика часто оставалась зависимой от христианских образов, символики и текстов» (с. 25).

В следующих главах рассматривается нарушение гендерных и классовых границ. Женщины-медиумы в общественной сфере нашли уникальные способы соответствия культурным ожиданиям, основанным на базовых христианских установках. Они полемизируют с недоброжелателями спиритуализма, применяя риторическую практику «казуистического растяжения» (абстрактный принцип используется для анализа конкретной проблемы, чтобы повлиять на восприятие проблемы аудиторией). Например, некоторые спиритуалисты утверждали, что они христиане, но большинство церквей отвергали спиритическую практику. Поэтому спиритуалисты включили христианские дискурсы в спиритуалистскую практику, чтобы сделать неортодоксальные верования более приемлемыми для основной аудитории. И женщины-спиритуалистки смогли приблизиться к женскому благочестию, представ в своих книгах «хорошими» христианками, а также перекодировав благочестие как более широкую приверженность моральной целостности.

Авторы создавали собственные модели семейной жизни, чтобы смягчить вызов, который они бросили социальным условиям, покинув свои дома и уйдя в сферу общественной деятельности. Женщины демонстрируют свою женственность, используя «язык домашнего уюта», то есть с любовью говорят о различных идеалах «дома» и выражают желание вернуться в домашнюю сферу, но конструируют эту сферу как открытую для сложных и противоречивых интерпретаций. Здесь заметны некоторые недостатки работы Лаури. Так, очень мало внимания уделяется «дому с привидениями», хотя именно эта конструкция объединяет оба важных элемента автобиографии: «женский» и «спиритуалистский». Но это легко объяснить опять же построением работы — Лаури всячески пытается избежать «сочувственного эзотеризма», активной поддержки оккультных концепций. Спиритизм становится частью «общественного движения с особым мировоззрением». Соотношение «домашнего» и «общественного» может быть разным. Для некоторых спиритуалисток (таких, как Мейнард) семейная жизнь была конкретной и локализованной, в то время как для других (таких, как Бриттен) она была более абстрактной и концептуальной: «Женщины поддерживают некоторые идеализированные представления о домашней жизни, но одновременно сопротивляются идеализации, описывая некоторые из очень реальных тем насилия и смерти, вступающих в конфликт с букволическими образами садов, гостинных и очагов» (с. 62).

Пятая и шестая главы книги посвящены нарушению общественных и политических границ, которые считались запретными для женщин. Претензии на власть и политические аспекты власти становятся центральными темами «радикальных» фрагментов автобиографий.

Поддержка привилегированных клиентов часто была необходима для успеха, и медиумы были многим обязаны своим спонсорам. Отношения между медиумом и покровителем отражались в автобиографиях. Медиумы преступали закон, собирая деньги, что считалось неприемлемым для «чистых» женщин, которые должны были защищать мужчин от «грязного» мира. Поэтому медиумы, отказываясь от идеала чистоты «истинной женственности», подчеркивали отсутствие хитрости и коварства, говоря о себе в самоуничижительных выражениях: «Мейнард, например, описывает себя как “неграмотную” девушку, а на редактора Андерхилла произвело впечатление, что она просила совет, как написать книгу. Чем чаще этих женщин изображали необразованными, тем больше их воспринимали как неспособных на обман и зависимых от милости покровителей, а не наоборот» (с. 81—82).

Спиритуалисты, как правило, отвергали теорию Декарта о расщеплении разума и тела, но отделение разума от тела было неразрывно связано с вхождением в транс. Поэтому спиритуалистская риторика подчеркивала необходимость покорного женского тела, что для «настоящей женщины» было неприятно. Следовательно, некоторые медиумы демонстрируют женскую добродетель подчинения, подробно описывая различные способы, с помощью которых избегают полного подчинения контролю духа. Другие медиумы предлагают пересмотреть необходимость подчинения, опираясь на модели «настоящей женственности», которые советовали временно уступить контроль авторитетной фигуре мужского пола, чтобы затем добиться «риторического» преимущества.

В последней главе автор рассматривает то, как Бриттен и Джонс подчеркивают свою значимость и как спиритуалистов и как «настоящих женщин», включая в автобиографии рассказы о путешествиях. Джонс и Бриттен используют описания своих перемещений во времени и пространстве не только для пропаганды спиритизма, но и для того, чтобы комментировать проявления социальной несправедливости и стимулировать политическую активность.

В Заключении Лаури вновь возвращается к своей ключевой идее: центральные принципы спиритуализма повлияли на то, как женщины представляли свое тело и свои социальные роли.

По мнению автора книги, написание автобиографии само по себе является перформансом — возможно, таким же, как и спиритический сеанс. Опираясь на постструктуралистское понимание идентичности как последовательно повторяемого перформанса, исследовательница определяет специфику женственности в автобиографиях XIX в.: «...напряженность, возникающая между переписыванием существующих гендерных ролей и одновременным сопротивлением и отрицанием этих ролей» (с. 127). Но тот же эффект перформанса присутствует и в самой монографии, которая в своем риторическом совершенстве кажется чрезмерно изысканной и логически выстроенной — этой логики порой недоставало самим создательницам автобиографий, хотя реконструкция их воззрений получается очень удачной и занимательной. Для исследователей автобиографической литературы и истории спиритуализма книга наверняка окажется небесполезной.